

Анна Аркадьевна Плотникова

доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора, Институт славяноведения РАН (119334, Москва, Ленинский пр., 32а)
E-mail: annaplotn@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9154-5046>

РАЈАЦ И РАЙ: НАЗВАНИЯ ВОСТОЧНОСЕРБСКИХ СЕЛ В НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация

В статье анализируются народные мотивировки названий куста сел на юге Неготинского края в восточной Сербии, которые отсылают к истории края и легендам о местных героях. Ономастическое содержание легенд исследуется в первой части работы, затем рассматривается восприятие названия центрального в этой местности с. *Pajaц* в языковом сознании носителей говора, в заключение приводятся нарративы о видениях и снах, связанные с картиной рая (это продолжение народных трактовок названия села). Предлагаемый материал основан на полевых записях автора, сделанных во время экспедиций 2023–2024 гг. Исследуемая территория относится к винодельческому региону, который долгое время находился под турецкой властью. В результате многие фольклорные сюжеты, мотивирующие народное происхождение того или иного названия села, наиболее регулярно соотносятся со спасением местных жителей от турок, а также с приключениями героев рассказов (в том числе знаменитого воеводы Велько) после апробации ими спиртных напитков. Нарративы о названиях сел часто пропитаны шутивным отношением к истории края и рассказываются в стиле анекдота, особенно когда речь идет о вине и виноделии. Топонимы по-разному интерпретируются информантами, принадлежащими к разным этносам и соседствующим селам, которые соревнуются друг с другом в искусстве виноделия. Особую интерпретацию получает название с. *Pajaц* на востоке Сербии: «райский уголок». Выдвигаемые учеными версии о названии этого села либо частично совпадают с современным восприятием топонима, либо могут указывать на реконструируемый славянский архаический культурный текст, относящийся к восприятию рая как пространства, связанного с водой.

Ключевые слова: топонимия; топонимические легенды; устные нарративы; сербский язык; этнолингвистика; фольклор; похоронно-поминальный обряд; рай; обмирания; турки

Благодарности

Работа осуществлялась по проекту РНФ № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>).

Для цитирования

Плотникова А. А. *Ражак* и рай: названия восточносербских сел в народной традиции // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 3. С. 193–212. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.038

Рукопись поступила в редакцию 11.05.2024

Рукопись принята к печати 15.07.2024

Anna Arkadyevna PLOTNIKOVA

DrHab, Chief Researcher of the Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninsky Ave, 119334 Moscow, Russia)

E-mail: annaplotn@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9154-5046>

**RAJAC AND PARADISE:
NAMES OF EAST SERBIAN VILLAGES
IN FOLK TRADITION****Abstract**

The article examines folk motivations for the names of villages in the southern part of the Negotin region in Eastern Serbia, exploring their historical context and legends about local heroes. The first section analyses the onomastic elements within these legends. This is followed by an analysis of the perception of the name of the central village, *Rajac*, by contemporary speakers of the local dialect. The final section considers the narratives concerning visions and dreams associated with the imagery of paradise, continuing the folk interpretations of this oikonym. The findings are based on the author's fieldwork conducted during expeditions in 2023 and 2024. The region studied forms part of a wine-producing area that was under Ottoman rule for an extended period. Consequently, many folk stories explaining the origin of village names are connected with local resistance to the Ottomans and tales of heroes (including the vojvode Veljko) whose adventures often involved the consumption of alcoholic beverages. These narratives frequently take on a humorous tone, especially when wine and winemaking are central to the stories. The interpretations of village names vary among informants from different ethnic groups and neighboring villages, which often compete in their winemaking traditions. The name of *Rajac*, in particular, is widely understood as meaning “paradise corner.” Scholarly explanations of this toponym either partially align with this modern interpretation or suggest links to a reconstructed Slavic cultural concept of paradise as a space associated with water.

Keywords: toponymy; toponymic legends; oral narratives; Serbian language; ethnolinguistics; folklore; funeral and memorial rites; paradise; lethargic sleep; the Turks

Acknowledgements

The work was carried out in the framework of the Russian Science Foundation project No. 22-18-00484 *Slavic-non-Slavic Borderlands: Funeral and Memorial Rite in Ethnolinguistic Coverage* (<https://rscf.ru/en/project/22-18-00484/>).

For citation

Plotnikova, A. A. (2024). *Rajac* and Paradise: Names of East Serbian Villages in Folk Tradition. *Voprosy onomastiki*, 21(3), 193–212. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.038

Received on 11 May 2024

Accepted on 15 July 2024

Введение

Задачу настоящей работы автор видит в исследовании ономастической лексики (главным образом топонимии) через призму фольклорной традиции, бытующей в настоящее время в восточной Сербии. Работы сербских ученых по топонимии этого края посвящены возникновению географических названий на основе обозначений рельефа местности, пород грунта, горных и лесных массивов, флоры и фауны и т. п. [см.: Gasović 1997; Павловић 1994]¹, при этом особое внимание уделяется ойконимам неславянского происхождения на сербско-болгарском пограничье, в бывшем Видинском санджаке [Gasović 1993]. Редкими (а потому исключительно интересными) в сербской ономастике в целом оказываются исследования местных названий по следам устной истории — легенд, связанных с тем или иным краем; примером может служить работа А. Ломы [1988].

Своеобразие сербско-болгарского пограничья в регионе Тимока состоит в том, что здесь, на юге Неготинского края, сербские села расположены по соседству с влашскими (в соответствии с преобладающим населением село называется либо *сербским*, либо *влашским*). Кроме того, здесь много смешанных браков, в результате чего наблюдается контаминация ряда традиций и исконных верований двух этносов. Это особенно заметно при анализе похоронно-поминальной обрядности, считающейся наименее проницаемой с точки зрения культурных заимствований и отражающей их лексики.

Этнолингвистическая экспедиция в этот край, натолкнувшая нас на необходимость анализа наименований топосов, проводилась в марте 2023 г. Обследовались сербские села Брачевац², Роглево, Смедовац и Рајц на пограничье Неготинского и Заечарского краев. Близлежащие влашские села на этой территории — Црномасница, Александровац (Злокуче), Ковилово, Вельково (подробнее о деталях экспедиции см. [Плотникова 2023]). Повторное посещение этой территории состоялось в марте 2024 г. Были уточнены сведения о жизни, ратных подвигах и передвижении по изучаемой местности известного в Сербии воеводы Велька Петровича: *хайдук*³ *Велько* часто становится центральной фигурой нарративов о названиях сел (подробнее о других деталях повторной экспедиции см. [Плотникова 2024]).

¹ Ср. аналогичные исследования по хорватской гидронимии [Brozović-Rončević 1997].

² Село Брачевац, находящееся на правом берегу р. Тимок и ранее входившее в состав Болгарского царства, обследовалось совместно с Н. Г. Голант.

³ Ср. серб. *хайдук* ‘человек, не подчинившийся турецкой власти, ставший членом дружины, боровшейся против турок’ [Речник МС 6: 705].

Велько Петрович (1780 г. р.), происходящий из семьи овцеводов, — уроженец с. Леновац, находящегося неподалеку от Заечара, центра соседней общины. Один из предводителей Первого сербского восстания 1804 г., он не проходил специального обучения в военных заведениях, однако действовал «сообразно уму и сердцу», восхитив своими ратными подвигами вождя Первого сербского восстания Карагеоргия (серб. *Karaђорђе*), уговорившего его встать во главе защиты Краины⁴. Город Неготин, центр края, включая самую южную часть, на нынешней границе с Болгарией, можно считать средоточием памяти и почитания воеводы Велька⁵: в стенах старой церкви города захоронены его останки, которые долгое время были спрятаны от турок, на главной площади воздвигнут памятник воеводе, на месте его гибели во время обороны Неготина — монумент⁶, в «Доме Велька» (на эту роль был выбран наиболее типичный городской купеческий дом) собраны артефакты, связанные с воеводой, на стенах висят многочисленные карты-схемы обороны Неготина от турок, а также портреты, воссоздающие предполагаемый облик воеводы. Там же установлены экраны с повествованием о жизни и смерти знаменитого воеводы, о котором сложены эпические песни и стихи (прежде всего под девизом: *Главу дајем, Крајину не дајем* «Я отдам свою голову, но Краину не отдам» [см., например: Muzej Krajine]). Бережно относятся в городе и к небольшому каменному зданию склада для хранения пороха (серб. *барутана*) — единственному оставшемуся компоненту прежней крепости, где велась оборона против турок.

Раяц, Роглево, а также влашское село Вельково расположены по одной дороге от Заечара в сторону Неготина. В нарративах о названиях этих сел они фигурируют как единый куст поселений, через которые двигались легендарные герои и даже «сам Господь Бог». Центральным среди сел считается *Раяц*, в котором больше всего виноградников и так называемых пивниц, где вино производят, продают в ресторанчиках и тут же расположенных магазинчиках. В целом это важный для региона виноградарский край, с чем во многом связаны многие сюжеты легенд о происхождении наименований сел.

⁴Ср. серб. *крајина* ‘окраинная часть Сербского государства, постоянно находящаяся в зоне военных действий (на границе)’, откуда *Неготинска Крајина*, а также *Тимочка Крајина* (по названию р. Тимок в этом крае) и др.

⁵За ознакомление с памятными местами, связанными с жизнью и деятельностью воеводы Велька Петровича, благодарю семью Милосавлевич — Зорана и Марину из с. Раяц и их сына Деяна из г. Неготин.

⁶Рассказывают, что на его открытии в 1892 г. гостей из всей Сербии было больше, чем жителей тогдашнего городка.

Происхождение названий сел: легенды и устная история

Рассмотрим мотивы и сюжеты текстов о происхождении названий сел этого края (все тексты были записаны от жителей сел в ходе экспедиции 2023 г.).

1. Основной комплекс мотивов бытует в селах, расположенных по главной дороге вдоль р. Тимок: Раяц, Роглево, Вельково. Главными персонажами нарративов становятся странствующие по этим местам демиурги — Бог или знаменитый хайдук Велько, которые давали названия селам, основываясь на собственных впечатлениях о крае.

В каждом из трех сел есть своя улица, названная именем воеводы Велька (названия идентичны: *Хайдук Велькова*). Это главные улицы, причем в Роглево улицу *Хайдук Велькова* продолжает улица *Кнез Михајлова*, которая затем плавно переходит в улицу *Карађорђева*. В небольшом селе Смедовац, ближайшем к Роглево, *Хайдук Велькова* — тоже основная (и единственная) улица. По убеждению образованных жителей села, существуют исторические документы, подтверждающие пребывание Велька как раз в этой местности.

Записанный нами полушутливый диалог двух друзей из разных сел (жителя с. Раяц серба Зорана Милосавлевича, 1959 г. р., и его друга из с. Роглево, влаха по отцовской линии Горана Йовановича, 1962 г. р.) включает несколько вариаций легенд с приключениями странствующего Бога или его «заместителя», в данном случае — хайдука Велька. Важно отметить, что в диалог вплетается традиционный для народной культуры мотив противостояния одного села другому.

Демиург заканчивает свое путешествие в известном с XVI в. влашском селе Вельково, прежнее название которого было *Blivanovac / Blivanac* (с латинской основой [Gasović 1993: 40]⁷). Затем топоним в соответствии с народной этимологией был преобразован в *Bljivanovac*, а это имя заменили из-за неблагозвучных ассоциаций с серб. *бљувати* ‘тошнить’ на более понятное для этого края *Вельково*.

⁷Можно встретить и версию о славянском происхождении наименования — от *Plivanovac*, якобы из *pljiva* ‘длинный лист травы’ [Лу Божа Кићи 2015: 129], что не выдерживает критики с точки зрения экавского говора, где *pljeva* ‘сорняк, полова, мякина’ (растение или его часть, не относящаяся к зерну) было бы *pleva*, а не *pliva*, как в икавском наречии. В данном случае название черногорского города *Pljevlje* как раз бы соответствовало интерпретации [Skok 2: 691], приводимой местными краеведами в отношении *Plivanovac / Blivanovac*. Если предполагать славянское происхождение названия, то уместнее было бы обратиться к тому же корню **blivati*, дериваты которого используются, в частности, для обозначения крупной черники (что, в свою очередь, наводит на мысль о существовании соответствующих народных легенд о ее происхождении) или иной — несъедобной — ягоды (*blivanka*) в чешском языке [Machek 1954: 179]. Это было бы логично и с точки зрения славянских названий других сел в этой местности, например *Брусник* (недалеко от Раяца и Брачеваца).

Вот ответ жителя с. Раяц Зорана Милосавлевича на мой вопрос, откуда произошло название его села:

Кад је Бог сишао доле ту, на овај простор, он је значи видео како је то, свратио горе на пивница, попио вино, попио вино, и мало се запио, значи горе, и онда крене, и каже, каже он: «Овде је као у рају, нек се ово зове Рајац», и крене на доле, и кад стигао у Рогљево тамо, на онај поток, њему се смрчило од оног пића, каже: «Ле-ле, овде је као у рогу, то нек буде Рогљево», и онда крене даље према Неготину, и сад се зове Вельково, а раније се звао Бљувановац, то село до скоро, и он ту од оног пића се исповраћа, и онда каже: «Ово нек се зове Бљувановац».

«Когда Бог спустился сюда, вниз, на эту территорию, то он увидел, как все здесь устроено, зашел наверх, в винодельни, попил вина. Попил вина, и немного напился, значит, наверху, и потом пошел и сказал: “Здесь как в раю, пусть это место называется *Rajac*”. И пошел вниз, а когда дошел до Роглева, до того ручья, у него в глазах потемнело от этого вина, и он говорит: “Ой-ой, здесь темно, как в роге <животного>⁸, пусть это будет Роглево”, и потом пошел дальше в сторону Неготина, и сейчас там Вельково, а раньше называлось Блювановац, это село до совсем недавнего времени, и его тут вырвало от выпитого вина, и он тогда говорит: “Пусть это село называется *Бљувановац*”».

В ответ на такое объяснение окрестных наименований оппонент Зорана (диалог происходил в доме Зорана в с. Раяц), его друг Горан, в той же шутливой манере попытался возразить, чтобы показать, что Раяц — не самое лучшее место и что его село, Роглево, заслуживает больше внимания:

А знате зашто кад је био у Рајцу и кад је шетао, зашто кад се саплео и кренуо према Рогљевоу? Човек обично види и гледа где ће мање да се удари, убије или направи проблем. Овде је код њих лош терен, ништа, никакво, саплићу се људи, па долази <код нас> ту где је, можда, равно, не само рогље!

«А знаете, почему, когда он был в Раяце и когда гулял, стал спотыкаться и попал в Роглево? Человек обычно смотрит, где меньше ударится, упадет или с ним что-то случится. Здесь у них плохая земля, все в кочках, ничего нет, люди спотыкаются, поэтому он пришел к нам, где ровно! Не только бугры!».

⁸Известен сербский фразеологический оборот *тамно как у рогу* «темно, как в роге животного» (его привел собеседник, поясняя легенду позже: «*Темно, как в роге животного* — так говорят о помещении, в котором очень темно, а у него свет померк перед глазами из-за того, что много выпил, как у раз у того ручья рядом с соседним селом»). Фразеологизм имеет широкое распространение в разных краях Сербии: в настоящее время употребляется, например, при отсутствии освещения на улице (устное сообщение Б. Сикимич).

Поняв, что выглядит не очень убедительно, Горан изложил свою версию, основанную на утверждении, что вино, производимое в Роглеве, лучше, чем в Раяце:

У ствари ту има једна друга прича. Он <Зоран> прича, о... то је една верзија, друга верзија каже, кад је хайдук Велько ишао и бранио ове крајеве от Турака, онда је долазио код раје у Рајац на ракију, а кад крене, кад се напије ракије, онда он крене па дође према Рогљеви, ту је шутирао рокове од животиња, а пошто је било много рогова, биле су животиње које за месо се користиле. Ту се он лепо наједе и напије вина, па онда крене према том трећем селу за које кажемо да је: сад се зове Вельково, а некад се звао Бљувановац зато што је ту он исповратио то што је појео ил' се рас- трезнио и од вина, а онда после тог села је кренуо према селу Мокрењу преко брда, обилазећи тај крај који брани. Ту је успео и да обави физиолошку потребу коју... односно — мокрење па је то зато остало тако Мокрање. А онда преко четвртог брда спустио у Неготин код Чучук-Стане.

«На самом деле есть еще другой рассказ. Вот он <Зоран> рассказал — это одна версия, а есть другая. Говорят, что когда хайдук Велько проходил и защищал эти края от турок, то заходил к народу — *код раје* — в Раяц на ракию, а когда отправился дальше, когда напился ракии, то тогда он пошел в сторону нашего села, Роглева, и здесь пинал рога животных, поскольку было много рогов от домашних животных, мясо которых ели. Тут он очень хорошо поел и попил вина и вот тогда направился к тому третьему селу, про которое говорим, что сейчас называется *Вельково*, а раньше когда-то называлось *Бљувановац*, потому что его тут стошнило тем, что он съел, и он отрезвел от вина, и уже после этого села пошел к селу *Мокрење* перед горами, обходя этот край, который защищал, и там смог удовлетворить еще одну физиологическую потребность — помочился, вот поэтому осталось название *Мокрање*. Ну и тогда после четвертого хребта спустился в Неготин к Чучук-Стане».

Этот нарратив нуждается в ряде пояснений, связанных с ландшафтом края. Из Засчара в Неготин ведут две дороги, одна из которых лежит практически вдоль границы с Болгарией (где и находится описываемый култ сел), с нее можно свернуть вглубь региона, чтобы увидеть знаменитый здесь водопад *Мокрањске стене* 'Мокрые скалы', находящийся вблизи небольшого села *Мокрање* (где также, разумеется, есть ул. *Хајдук Велькова*, а кроме того, и ул. *Карађорђева*). Город Неготин находится в низине, окруженный четырьмя лесистыми горами.

Крепость в городе, где держал оборону хайдук Велько, в народе нередко называли *Чучукстан* — якобы по имени воинственной девушки *Станы*, имевшей прозвище *Чучук*, данное ей из-за маленького роста (ср. тур. *küçük* 'маленький'). С ней Велько жил в крепости до своей смерти (народный герой был убит при обходе укреплений во время обороны Неготина). Бесстрашная Стана, обладая прекрасными навыками точной стрельбы, сражалась с турками

вместе со своим возлюбленным (став, по сути, второй женой Велька)⁹. Здесь обыгрываются смысловые связи значимого в сербской традиционной культуре имени *Стана*¹⁰, которое в приведенном нарративе включается в семантическое поле «поселение, место обитания», ср. серб. *стан* ‘укрытие’, ‘поселение, размещение’ (в том числе ‘форпост, пограничная военная крепость’)¹¹.

Возвращаясь к продолжению диалога двух представителей близких сел, отметим, что далее Горан со смехом настаивает на том, что хайдук Велько пил не вино, а ракию («Али ракије се напио» <Но напился ракии>), подразумевая, что в Раяце можно пить только ракию, а не изысканное вино, как в Роглеве. По мнению Горана из Роглева, основному персонажу пришлось пить водку вместо прекрасного вина, потому далее с ним приключился неприятный казус. Возражая оппоненту, Зоран настаивал: «Существуют документы, что Велько был именно в “пивницах”. И тут пил вино. В том месте, наверху, о чем говорить!». Горан в ответ усмехался, обращаясь ко мне: «Ха-ха, а не ракию, видите вы это?» Если сопоставлять два нарратива рассказчиков не как полемический диалог, а как два самостоятельных предания, то следует отметить, что Бог пил вино, а хайдук Велько — ракию, что соответствует их иерархии в народном сознании.

Как видим, в рассказах отражен мотив соревнования: чья земля плодороднее, чей рельеф лучше подходит для путника, у кого алкогольные напитки изысканнее и т. д. При этом нарративы «соревнующихся» собеседников из разных сел могут быть построены на игре слов — в данном случае контекстуальных оппозиций: славизма *raj* ‘рай’ и турцизма *raja* ‘народ, толпа’ («онда је долазио код раје у Рајац на ракију» <тогда приходил к простым людям в Раяц на ракию>).

Мотив, касающийся названия сербского села *Рогљево*, включается в цепочку повествования о местах, где останавливается демиург или культурный герой, дающий названия селам в зависимости от рельефа местности и качества приема жителями. При этом Горан акцентирует внимание на ушедшем в прошлое изобилии скота в Роглеве.

От жителей села можно услышать и другую версию, также связанную с историческими событиями трагического характера, происходившими,

⁹Встреча Велька с будущей супругой произошла в родном для нее селе Сиколе [подробнее см., например: *Deset žena ratnica*].

¹⁰По народным представлениям, в семье, где умирают дети, ребенка следует называть именами, останавливающими смерть: повелительное наклонение от глагола *стани* ‘прекрати, остановись’ трактуется как некий посыл к окончанию событий, связанных со смертью [см.: Толстой, Толстая 1998].

¹¹См. значения лексемы *стан* (с примерами) в [Речник МС 5: 993].

когда турки периодически нападали на сербские села, опустошая их. Чтобы скрыться от преследования, население пряталось в горах, возвышающихся по обе стороны Роглева:

У старо времена, времена за време Турака, турци су стално нападали села. И онда су стари људи одлучили да село сместе где се узи као рог, и онда доље је, виделе сте, шире а све горе све уже, уже, међу два брда, да су..., да би имали шансе да беже, да се склањају у та брда. Зато је као рог, и остало је Рогљево.

«В прежние времена турки постоянно нападали на село. И тогда старики приняли решение разместить село там, где <местность> сужается, как рог, и вы вот видели, что внизу оно шире, а чем выше, тем уже, уже, между двумя горами, чтобы у людей были шансы убежать, спрятаться в эти горы» (Рада Трујкић, 1955 г. р., Роглево).

Научная версия названия села — по его местонахождению на повороте р. Тимок: *rog* ‘угол, закуток долины р. Тимок’ [Gasović 1997: 116], поскольку река резко уходит на восток и сразу возвращается, образуя острый угол в полутора километрах от села.

2. Другие мотивы топонимических легенд связаны с названием с. *Рајац*. Часто воспроизводится и модифицируется версия о первооснователе села — человеке по имени *Раја* или *Рајко*, пришедшем издалека:

— Зашто се село зове Рајац?

— А они кажу, неки Раја дошао, са Косова, одатле, и ту му се свидело, и стави колац један. И каже: «Да буде Рајац».

«— Почему село называется *Рајац*?

— Говорят, что какой-то Рая пришел с Косова, оттуда, и здесь ему понравилось, и он забил кол, столб — и сказал: “Да будет *Рајац!*”» (Загорка Јоцић, 1940 г. р., с. Раяц).

В связи с этим нарративом обратим внимание на подчеркнутое собеседницей созвучие: *колац* — *Рајац*, где прибавление уменьшительного суффикса усиливает различие лексем *рај* и *Рајац* (букв. «маленький рай»)¹². В эту народную версию вплетается знание об истории заселения края: проживающие здесь сербы пришли из Косово (так называемые *косовари* — жители Косова).

Имя первооснователя упоминают в своих ответах и недавние переселенцы. Так, Милош Котур из-под Слуня (Кордун, Хорватия), бежавший сюда после

¹²З. Павлович справедливо отмечает, что из демунифицированного значения широкоупотребительного суффикса *-ац* развилась «патронажная» функция, характерная для топонимии (обозначения мест пребывания той или иной группы людей); в настоящее время ««патронажная» функция вытеснена в пользу локативной» [Павловић 1994: 159–160].

распада Югославии, приводит традиционный средиземноморский мотив о приходе в эти места двух братьев-прародителей села:

— Зашто се село зове Рајац?

— Е, то сам чуо. Овде су дошли два брата. Рајко и Брајко. Рајко је организирао село Рајац, а Брајко — Браћевац.

«— Почему село называется *Rajac*?

— Э, вот что я слышал. Пришли сюда два брата. Райко и Брайко. Райко организовал село Рајац, а Брайко — Брачевац. И потому так называется» (Милош Котур, 1953 г. р., с. Раяц).

«Райские» ассоциации топонима *Rajac*

Название села в настоящее время интерпретируется как «Маленький рай» и становится своеобразным символом края (рекламный туристический посыл: если вы посетили Неготин, то обязательно нужно заехать и в *рајачке пивнице*, т. е. «винодельни Раяца»). В ходе первой экспедиции была предпринята попытка выявить восприятие названия села самими жителями.

Раяц можно назвать центральным среди всех сербских сел на юге Неготинской общины, оно многолюдно и чаще других посещается гостями края. Здесь выделяется верхняя часть с винодельнями (там же расположено и кладбище со старыми, высеченными из камня крестами)¹³ и нижняя, жилая. В рассказах о селе нередко проявляются ассоциации, связанные с названием; основной мотив таких текстов — «здесь везде рай». Жители описывают разнообразие деревьев и другой растительности на окружающих горах и холмах, благоухание цветов, обилие плодов и т. п.: все выглядит так, как подобает раю. Библейские мотивы прослеживаются в диалогах, различного рода нарративах и даже стихах местных жителей, посвященных селу. Так, сельский поэт Милош Котур проецирует картину рая на местные реалии: чудесные фрукты, виноградные лозы, вино, запахи цветущих деревьев весной и спелого винограда осенью, птицы (ласточки, фазаны)¹⁴, даже указание на конкретный пансион для гостей «Вила Миленович» с радушными хозяевами. Заканчивается стих ласковыми строчками: «Овај мали лепи крају, / Име добих ти по рају» <Этот маленький красивый уголок, / Имя ты получил “по раю”>.

¹³ Похожее кладбище расположено недалеко от маленького с. Смедовац, оно описано в [Плотникова 2023], там же см. иллюстрации.

¹⁴ Образ рая как сада в народных верованиях описан в [Белова, Толстая 2009: 397–398]. Подробная картина райской жизни, возможно, возникает в сельской среде под воздействием проповеди на службе и разных форм церковных песнопений, не исключено и влияние гравюры.

В диалогах, где речь идет о выборе места проживания, тоже прослеживается тема рая, «наведенная» названием села; показательно и выражение *рај на земљи* «рай на земле, земной рай», относимое к Раяцу:

— Зашто се село зове Рајац?

— Па, рај на земљи!

— А зашто је рај на земљи? Због чега? Шта има ту таквог?

— Па, све има! Прво је чист ваздух, лепа природа, виногради, добри људи. Ако баш нису сви, ха-аха.

— И те чесме, сигурно?

— И вода! Вода лепа. Здрава вода. Има чесме пуно.

— Зоран је рекао да има десет.

— Ја волим. И порасла сам ту ако сам из другог села, кажем, тетка ми ту рођена била, ту сам ишла у школу, и супер. И увек сам рекла: “Кад идем у пензију, ја долазим у Рајац да живим!” И тако било.

«— Почему село называется *Рајац*?

— Рай на земле!

— А почему рай на земле? Почему, что тут такого?

— Да всё тут есть! Во-первых, чистый воздух, красивая природа, виноградные поля, хорошие люди, хотя как раз и не все, ха-ха.

— И те самые источники, конечно?

— И вода! Вода замечательная. Для здоровья. Здесь полно источников.

— Зоран сказал, что их десять.

— Я люблю. И выросла я здесь, хотя сама из соседнего села¹⁵, говорю, что у меня тут тетка родилась, здесь я ходила в школу, и здорово! И всегда говорила: “Как выйду на пенсию, я приеду жить в Раяц!”» (Марина Милосављевић, 1960 г. р., с. Раяц).

Тимокский край, как уже упоминалось, находится на самой границе с Болгарией: от с. Раяц до болгарско-сербской границы по прямой — менее 5 км. Разумеется, до столицы — Белграда — здесь очень большое расстояние, поэтому неудивительно, что шутка в приводимом ниже нарративе опирается на географию реалий. Вместе с тем актуализация образа села как далекого райского уголка, обусловленная его названием, имеет под собой и библейскую основу: Бог сотворил рай где-то на самом востоке¹⁶. Восток как сторона света обыгрывается жителем Раяца Зораном Милосавлевичем, когда ему звонят друзья из столицы:

Е, значи, тамо је Бугарска. Ујутру, сунце кад излази, оно изађе из Бугарске, уђе у Србију, ту. Али, значи, прво уђе у Рајац. И онда иде полако на остатак Србије. Е, то

¹⁵ Собеседница родом из соседнего с. Браћевац.

¹⁶ «И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 3:8–9).

је веома битно за Рајац. И онда ја, ови београђани моји, кад ме зову, ја њих зезам: «Ево, има ли сунца?» — «Па нема!» — «Па нисте у Рајцу!».

«Э, значит, там Болгария. Утром, когда солнце встает, оно выходит из Болгарии, заходит в Сербию, сюда. Но получается, что сначала приходит в Раяц. И потом понемногу идет на “остаток Сербии”. Э, это очень важно для Раяца! И вот, когда мне звонят по телефону мои друзья из Белграда, я их подкальваю: “Есть ли солнце у вас?” — “Да нет!” — “Ну так вы же не в Раяце!”» (Зоран Милосављевић, 1959 г. р., с. Раяц).

Уместно привести еще один нарратив о названии с. Раяц, записанный от жительницы соседнего Роглева. На мой традиционный вопрос о том, почему село называется *Rajac*, Рада Труйкич уверенно ответила:

А Рајац, каже, баш је један доктор Пера, неки из Рајца, који је био дуго у овај, у Фијести, заводу у Зајечару, он је баш пре неки дан изашао на телевизији, и он то тако каже: «Рајац, каже, ту је Бог пролазио, и онда је горе на брдо је сијало сунце и он је рекао: “Овде је прави рај!”» И тако је остало да се зове Рајац као рај.

«А про Раяц говорят — как раз доктор Пера, один тут из Раяца, который долго работал в этой, “Фиесте”¹⁷, организации в Заечаре, он как раз недавно выступал по телевизору, — и он так говорит: “Раяц, — говорит, — здесь Бог проходил, и тогда высоко над горой сияло солнце, и он сказал: “Здесь настоящий рай!” И вот так осталось, что Раяц называется, как рай» (Рада Трујкић, 1955 г. р., с. Роглево).

В связи с этим нарративом необходимо отметить, что в сербских и болгарских говорах фиксируется лексема *rajko* ‘солнце’ [Златковић 2014: 343], в арго ряда регионов Болгарии (в профессиональной лексике строителей и др.), а также в народных песнях отмечено болг. *райко* ‘солнце’ [БЕР 6: 164–165].

Представление о рае в обмираниях и снах из с. Раяц

Картина была бы неполной без описания параллельного «маленького рая» по рассказам о снах и вернувшихся с «того света» жителей села. Нарратив на основе образов, связанных с летаргическим сном (или комой), — жанр, который в российской фольклористике носит название, основанное на народных номинациях этого явления, — *обмирание* [подробнее см.: Толстой, Толстая 1979; Толстая 2004]. В сербской фольклористике жанр, именуемый соответственно *обамирање* (ср. серб. *обамирати*, реже — *премирати*, *заносити се*), с недавних пор также стал предметом отдельного внимания

¹⁷В названии организации информантка явно сомневается. Петар Паунович — врач, бывший долгое время директором больничного комплекса в Заечаре и сотрудничавший с международной школьной организацией «Финеса» (благодарю Н. Г. Голант и В. Дуйновича за предоставленные сведения).

[Радуловић 2019]; кроме того, появились работы, где исследуются нарративы о сновидениях с точки зрения жанра, структуры, стиля и т. д. [см.: Ђорђевић-Белић 2019]. Многие мотивы, отмеченные нами при полевом обследовании сербско-влашской территории в долине Тимока, совпадают с теми, которые фиксируются учеными в других регионах Сербии.

Особые черты в рассказах местных жителей приобретает само представление о рае (*paј*), когда речь идет об обмираниях. В таких нарративах человек, очнувшись после того, как все собравшиеся приготовились к обряду похорон (например, дали «умершему» в руки свечу), рассказывает о бескрайних полянах, где множество людей: одни гуляют, другие танцуют, третьи веселятся¹⁸. Попадание на «тот свет», где в гармонии пребывают умершие, сопряжено с трудностями перехода из своего тела через некоторое другое тело (как правило, лошади, о чем рассказывают жители сс. Раец, Смедовац), и в обмираниях повествуется, как переход совершается, например, через задний проход кобылы:

Живко Бабић је баба Настин деда. Моје баба Насте, то је моја чукун-баба. И сад њојан отац он умре, и они га обучу све како то, ставе дуњу испод браде да се не криве уста, шта ти ја знам. И спремају се за сахрану, све, покрџ, све спремљено. И тек шта после некако, они га тука још чувају, почео деда, знаш, овако, да, да мрда. Шта сад ово, знаш? Није баш једноставно људима кад гледају шта је. <...> И он прегледа. Кад прегледа, он стао, каже, тако, па гледа свуд редом шта је, знаш: «Па шта ћете ту? Па како?» — «Па како си ти, ел...?» — «Па добро сам». — «Па куд си био? Да ни кажеш». Каже: «Сад ћу да ви кажем куд сам био». Дошо, каже, један, па је био мало срдит. Да ме води негде д(а) идем. ...где ће ми д идемо, куд наиђемо куд игра коло, куд нешто, он ми каже шта је то, али преткрај није тео, каже, да ми казује. Дођомо, каже, ми до једне кобиле. Дигла кобила реп, отворено, ту да прођем. Куд ћу ја сад ту да прођем, каже, како! Онај кад ти ме шибну и ја прођо кроз то. Кад сам отишо, неки се шетају, неки се веселе, неки пролазе, ишо сам, ишо сам, ајде, одведе ме код једнога старца. Онај стао, гледа, каже: «Је ли, каже, кога си ми ти довео?» — «Па Живка Бабића». — «Није, каже, Живко Бабић, него Живко Петровић! Враћај назад!» Шта ћу, ау-о, сад како ћу, каже, сад ја да прођем? Опет кроз ту кобилу! <...> Она(ј) кад ме испасу, каже, кад ме ударао, и он прошло кроз то, и прегледао.

«Живко Бабич — дед бабы Насти. Моей бабы Насти, это мне прабабушка. И вот ее отец умирает, и они его одевают, как нужно, подпирают айвой подбородок, чтобы рот не искривился, и всё такое. И готовятся к похоронам, саван, всё там приготовлено. Они еще тут бдели над ним, а он вдруг, знаешь, начал дед как бы шевелиться. Что это вдруг? Нелегко ведь людям, которые такое видят. И он открывает глаза. Когда открыл глаза, он привстал, знаешь, так огляделся и говорит: “А что вы все тут делаете? И как это?” — “Как ты сам?” — “Ну, хорошо со мной”. — “И где ты

¹⁸Ср. традиционное представление о рае как саде, который открыт всем людям [СБО: *сад*].

был? Расскажи нам”. — “Сейчас вам расскажу, где я был. Подошел один какой-то, немного сердитый. И повел меня куда-то. Где бы ни шли, везде танцуют *коло*, он мне обо всем рассказывает, но в конце не захотел говорить. Дошли до одной кобылы, она хвост подняла, открыто, чтобы я прошел. — “Где я тут сейчас пройду, как?” А этот как меня треснет, и я прошел через это. И вот прошел: а там одни гуляют, другие веселятся, некоторые мимо идут, шел, шел, и вот привел он меня к одному старцу. Тот поднялся, посмотрел, говорит: “Кого ты мне привел?” Говорит: “Так Живка Бабича”. — “Нет, говорит, нужно не Живка Бабича, а Живка Петровича! Возвращай обратно”. Что делать? — “Ау, — говорю, — что мне теперь делать, опять через эту кобылу?” Тот меня как пихнет, стукнет! И он прошел через это, открыл глаза» (Загорка Йоич, 1940 г. р., с. Раяц).

Как только выясняется некая оплошность «проводника», рассказчик возвращается в мир живых аналогичным образом, что находит многочисленные аналогии в рассказах об обмираниях по всей Сербии, при этом способ перехода из своего тела и возвращение могут осуществляться, по рассказам из иных мест, также «через рот (пасть)» живой или дохлой кобылы [см.: Радуловић 2019: 53–54, 59–60]. Во втором случае именно неживое тело другого существа становится «путем», по которому человек покидает свое тело, осуществляя переход туда и обратно. Н. Радулович, опираясь на данные [СМ: 280–283], предполагает, что это связано с архаическими представлениями о коне как о хтоническом животном: наличие мотива с конем «в двух вариантах обмирания, записанных с большим отрывом во времени и в разных регионах, наталкивает на мысль о его большей стабильности, чем можно судить на первый взгляд» [Радуловић 2019: 74]¹⁹.

В с. Раяц записан рассказ о сновидении, в котором картинка рая на «том свете» и повседневная жизнь на земле причудливо переплетаются. Сон, как пишет С. М. Толстая, «играет важную сюжетную роль в качестве переключателя миров <...> и служит семантической основой, оправданием самого события посещения иного мира» в силу восприятия его как временной смерти [Толстая 2015: 193]. В записанном нами тексте о сновидении женщине является умершая бабушка, которая рассказывает, как легко она перемещается с «того света» на «этот свет», а именно — приподнимает мерку (палку), которая положена ей в могилу рядом с гробом, и после такого открытия своеобразного шлагбаума чудесным образом оказывается среди дивных лугов и моря цветов в сиянии месяца:

¹⁹Известна древность образа лошади: в разных мифологиях (греческой, германской и др.) конь (лошадь) — не только средство передвижения, но и посредник (проводник, психопомп) между мирами, на котором лежит ответственность за перенос душ умерших в иной мир [см., например: Wagner 2006: 96]; о символике лошади у индоевропейцев см. [Гамкрелидзе, Иванов 2: 544–557].

А ја сам снила моју бабу Ленку, дошла и виче ме. «Ао, мајо, па ти си дошла. Боле те ноге, како си могла да дођеш?» — «Еј, каже, мене жао што сам се одвојила од вас, па ја, ја сам ту стално с вама, ја, ја зачас дођем». — «Па како дођеш?» — «Ето, каже, подигнеш само колац, и изиђеш, и идеш куд ти оћеш, колко оћеш, идеш по неке месечине, одиш, каже, по неке траве и нешто, и кад оћеш, ти се вратиш. А она онај прут, што туре поред сандука, знаш, то се подигне, каже, и ту изиђе. Ја сам ту с вама ал ви ме не видите».

«Мне снилась моя баба Ленка, пришла и кличет меня. “У тебя ноги болят, как ты пришла?” — “Э-э, мне жаль, что я от вас отделилась, я здесь всё время с вами, я сразу прихожу”. — “Но как приходишь?” — “Вот, — говорит, — только поднимешь палку — *колац* — и выходишь, и идешь куда хочешь, идешь по местам, освещенным луной, находишь кое-какие травы и еще что-то, и выйдешь, а когда захочешь, то ты возвращаешься. А этот прут, что кладут рядом с гробом, его поднимешь, и тут выходишь. Я тут всегда с вами, а вы меня не видите”» (Загорка Йоцич, 1940 г. р., с. Раяц).

Указание на то, что речь идет о загробном мире (в данном случае — о райских лугах с обилием чудесных цветов), который находится совсем рядом с живыми, содержится в дополнительном пояснении собеседницы:

На гробље, дабоме. Они спусте то. «То подигнеш, каже, изиђеш, оно ти мож д идеш куд оћеш. То, каже, шта је, то је цвеће... То је цвеће, то је милина, то је, каже, нагледала сам се чуда! Али ја сам с вама, жао ме што сам се одвојила».

«На кладбище, разумеется. Они ее <палку, мерку> кладут, ее поднимешь, — говорит, — выйдешь, можешь идти, куда пожелаешь. Тут цветы, красота, тут, — говорит, — насмотрелась чудес! Но я с вами, жаль мне, что <от вас> отделилась» (Загорка Йоцич, 1940 г. р., с. Раяц).

* * *

Полевая этнолингвистическая работа в восточной Сербии показала, что в народном сознании названия сел нередко связываются с историческими легендами и поверьями, путем наивной этимологизации в ойкониме выделяется имя первооснователя поселения. Особо интересными представляются объяснения названий сел, расположенных на территории совместного проживания разных этносов. В этом случае оценочная мотивировка наименования может колебаться от условно превосходной до предельно сниженной (*Rajac* как «рай на земле» и *Rajac* как скопление простолудинов, в том числе турецких подданных немусульманской веры [ср.: Елезовић 1935: 164]). Название с. *Rajac* трактуется как характеристика болотистого места (от серб. *raj* ‘топкая земля, грязь, болотистый грунт’) в топонимическом словаре С. Гацовича [Gasović 1997: 113] — местного сербского ученого, влаха по происхождению — со ссылкой на П. Шимуновича, приводящего топоним *Raj* < **rajь*

‘болото, грязь, топкая земля’²⁰ [Šimunović 1986: 241]. Подобные именованья могут объясняться иначе: «Топонимы типа серб. *Rajaц* (гора в западной Сербии, село около Неготина), макед. *Paец* около Кавадарцев, словац. *Raес*, если их следует понимать как “Малый рай”, т. е. место, подобное райскому саду, вероятно, отражают христианское развитие значения» [Лома 2010: 150].

На территории бывшей Югославии населенные пункты под названием *Rajac* (и другие дериваты *raj-*) отмечаются в указателе середины XX в. [Đorđević, Vasić 1965: 344–345]: в частности, *Rajac* в общине Мрчаевци (округ Кралево, Сербия) на р. Западная Морава, *Rajac* в общине Калиновик (округ Сараево, Босния и Герцеговина) на р. Неретва, *Rajac* в общине Калесия (округ Тузла, Босния и Герцеговина; там же *Rajinci Gornji* и *Rajinci Donji* на р. *Rajinska Reka*). Местечко *Rajec* в том же справочнике фиксируется как село рядом с Брежице в Словении на р. Сава, *Rajca* — в округе Ресен (Северная Македония) вблизи Преспанского озера [Ibid.] и т. д. Чаще всего эти населенные пункты расположены рядом с реками или озерами либо же в высокогорье, преимущественно в зоне заповедного леса. Так, современное местечко *Rajac* в округе Чачак (Сербия) находится по соседству с целебными источниками Слатины и современным Слатинским санаторием, причем на окраине села есть охраняемый обетный дуб (*храст Молитва*) и остатки некоего каменного перехода — видимо, через бывший водопад или источник (*прелаз Врело*).

О связи представлений о рае и реке в славянских верованиях подробно говорится в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» [см.: Белова, Толстая 2009: 397] со ссылками на исследования О. Н. Трубачева [2002: 190]. Словенский ученый М. Сной рассматривает эту связь в этимологической плоскости, полагая, что праслав. **rajь* — дохристианское слово, означающее место пребывания умерших, которое находится «через воду или под водой» и происходит из **rojь* ‘(водный) поток’ [Snoj 2003: 600]. Представления о рае как водном пространстве подробно анализирует В. Чайканович, привлекая сербские и иные этнографические данные и указывая на то, что река является своего рода дорогой в море, где, по древним представлениям разных народов, и располагается рай, причем чаще всего — «за морем»; именно этим, по мнению ученого, объясняется восточносербский ритуал «пускания воды» мертвым, который проводится на реке, поскольку реки так или иначе впадают в море [Чайкановић 1994: 347–354]. Подробно проблематика связи «райских» названий с особенностями ландшафта рассматривается в работах Е. Л. Березович, где автор на основании анализа славянских топонимов (главным образом

²⁰Иных данных о лексеме *raj* ‘мокрая земля, грязь, болото’ в сербских и хорватских диалектах в распоряжении автора на сегодняшний день не имеется.

русских, а также западнославянских — польских и чешских), напротив, показывает, что лишь в малом количестве случаев дериваты от **rajь* оказываются названиями каких-либо водных локусов [Березович 2012: 19–23; 2014: 66–68].

Если обратиться к гидронимии Сербии (подробно представленной в словаре гидронимов [Павловић 1996]), то обнаруживается, что определенное число наименований водных источников или естественных резервуаров имеют «райские» названия: *Рајски* — руч. в системе притоков р. Западная Морава через р. Гружа; *Рајац* — левый приток р. Елашница (левого притока р. Нишава, впадающей справа в р. Южная Морава), *Рајачки* — левый приток р. Тимок и руч., через систему притоков впадающий в р. Западная Морава; *Рајинац* — руч. в д. Пека, впадающий в р. Дунай; *Раичин* — руч., впадающий в р. Тимок; *Раичина бара* — руч. левого притока р. Сврлигский Тимок; *Рајин дол* — руч. в регионе Заглавак; *Рајина падина* — руч. в системе притоков р. Тимок; *Рајов* — руч. в системе притоков р. Западная Морава через р. Белица [Там же: 269–270]. Все эти гидронимы так или иначе связаны с **raj-*, в том числе и опосредованно, через антропонимы *Рајко*, *Рајна*²¹ и под. (названия водных источников типа *Рајков (поток)*, *Рајкова река*, *Рајна* и т. п. в словаре также присутствуют [Там же]). Отметим и тот факт, что семь из приведенных топонимов, образованных от **raj-*, отмечены в восточной Сербии — как притоки в бассейне р. Тимок или южнее. Можно предположить, что название с. *Рајац*, находящегося на расстоянии менее километра от р. Тимок, также имеет связь с этой значимой для местности рекой, аналогично тому, как название с. *Рогљево* — с резким поворотом р. Тимок.

Сокращения

праслав. праславянский язык

Источники

- Елезовић Г.* Речник косовско-метохиског дијалекта. Св. 2 // Српски дијалектолошки зборник. 1935. Књ. 6.
- Златковић Д.* Речник пиротског говора. Т. 2. Пирот : Службени гласник, 2014.
- Лу Божа Кићи Љ.* Влашко-српски речник. Бор : Терција, 2015.
- Павловић З.* Хидроними Србије. Београд : Институт за српски језик САНУ, 1996.
- Речник МС — Речник српскохрватског књижевног језика / уред. М. Стевановић. Т. 1–6. Нови Сад ; Загреб : Матица Српска, 1967–1976.

²¹История возникновения подобных южнославянских имен и их дальнейшая судьба в разных номинативных сферах заслуживают отдельного внимания.

- СБО — Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана. СПб. : Библия для всех, 2005.
- СМ — Словенска митологија : енциклопедијски речник. Београд : Цептер, 2002.
- Deset žena ratnica koje su PROMENILE ISTORIJU // Blic TV. 12.10.2014. URL: <https://www.blic.rs/riznica/istorije/deset-zena-ratnica-koje-su-promenile-istoriju/zgycg75> (date of access: 04.04.2024).
- Dorđević B., Vasić B.* Imenik mesta u Jugoslaviji. Београд : Izdanje novinske ustanove Službeni list SFRJ, 1965.
- Muzej Krajine — Od zlata jabuka... // YouTube : online video platform. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=okvWEwj13Pc> (date of access: 04.05.2024).
- Šimunović P.* Istočnojadranska toponimija. Split : Logos, 1986.
- Wagner M.* Dictionnaire mythologique et historique du cheval. Paris : Rocher, 2006.

Исследования

- Белова О. В., Толстая С. М.* Рай // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М. : Международные отношения, 2009. С. 397–400.
- БЕР — Български етимологичен речник / съст. Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. София : Проф. Марин Дринов, 1971–. Т. 1–.
- Березович Е. Л.* «Рай идет в этом Райке...»: к образу рая в русской языковой традиции // Этимология. 2009–2011 / под ред. Ж. Ж. Варбот и др. М. : Наука, 2012. С. 18–35.
- Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2014.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 ч. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984.
- Ђорђевић-Белић С.* Приче о сновима: проблеми, могућности и перспективе проучавања // Научни састанак слависта у Вукове дане. 2019. Т. 48. С. 101–110.
- Лома А.* Мислођин и Медођин: легенда и историјска топономастика // Ономатолошки прилози. 1988. Т. 9. С. 165–174.
- Лома А.* О словенском рају // Годишњак Катедре за српску књижевност са јужнословенским књижевностима. 2010. Т. 5. С. 143–153.
- Павловић З.* Хидронимски систем слива Јужне Мораве. Београд : Институт за српски језик САНУ, 1994.
- Плотникова А. А.* Этнолингвистическая экспедиция к сербам и влахам восточной Сербии // Живая старина. 2023. № 4 (120). С. 17–20.
- Плотникова А. А.* Полевая этнолингвистическая работа в Тимокском крае и Порече (Сербия) // Живая старина. 2024. № 3 (123). С. 2–5.
- Радуловић Н.* Прво лице и други свет // Godišnjak Katedre za srpsku književnost. 2019. Т. 15. С. 49–95.
- Толстая С. М.* Обмирание // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М. : Международные отношения, 2004. С. 462–464.
- Толстая С. М.* Образ мира в тексте и ритуале. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2015.
- Толстой Н. И., Толстая С. М.* О жанре «обмирания» (посещения того света) // Вторичные моделирующие системы / ред. Ю. Лотман. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1979. С. 63–65.
- Толстой Н. И., Толстая С. М.* Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Междунар. съезду славистов. М. : Ин-т славяноведения РАН, 1998. С. 88–125.

- Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. М. : Наука, 2002.
- Чайкановић В. Студије из српске религије и фолклора 1910–1924. Сабрана дела из српске религије и митологије. Књ. 1. Београд : Српска књижевна задруга, 1994.
- Брозовић-Рончевић Д. Hidronimi s motivom vrelišta na povijesnom hrvatskom tlu // *Folia Onomastica Croatica*. 1997. No. 6. S. 1–40.
- Гачовић С. Etimologija neslovenskih osnova u ojkonimiji Vidinskog Sandžaka XV i XVI veka. Zaječar : Kairos, 1993.
- Гачовић С. Etimologija slovenskih osnova u ojkonimiji Vidinskog Sandžaka XV i XVI veka. Zaječar : Kairos, 1997.
- Мачек В. Česká a slovenská jména rostlin. Praha : Nakl. ČSAV, 1954.
- Скок П. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. 1–4. Zagreb : Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1971–1974.
- Сној М. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana : Modrijan, 2003.

References

- Belova, O. V., & Tolstaya, S. M. (2009). Rai [Paradise]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 4, pp. 397–400). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Berezovich, E. L. (2012). “Rai idet v etom Raike...”: k obrazu raia v russkoi iazykovoi traditsii [“There is a Heaven in this Little Place...”: On the Image of Paradise in the Russian Linguistic Tradition]. In Zh. Zh. Varbot et al. (Eds.), *Etimologija. 2009–2011* [Etymology 2009–2011] (pp. 18–35). Moscow: Nauka.
- Berezovich, E. L. (2014). *Russkaia leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia* [Russian Lexicon in the Common Slavic Context: Semantic-Motivational Reconstruction]. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke.
- Брозовић-Рончевић, Д. (1997). Hidronimi s motivom vrelišta na povijesnom hrvatskom tlu. *Folia Onomastica Croatica*, 6, 1–40.
- Чайкановић, В. (1994). *Студије из српске религије и фолклора 1910–1924. Сабрана дела из српске религије и митологије* (Book 1). Belgrade: Srpska književna zadruga.
- Ђорђевић-Белић, С. (2019). Приче о сновима: проблеми, могућности и перспективе проучавања. *Научни састанак slavista u Vukove dane*, 48, 101–110.
- Гачовић, С. (1993). *Etimologija neslovenskih osnova u ojkonimiji Vidinskog Sandžaka XV i XVI veka*. Zaječar: Kairos.
- Гачовић, С. (1997). *Etimologija slovenskih osnova u ojkonimiji Vidinskog Sandžaka XV i XVI veka*. Zaječar: Kairos.
- Гамкредидзе, Т. В., & Иванов, В. В. (1984). *Indoevropskii iazyk i indoevropetsy. Rekonstruktsiia i istoriko-tipologičeskii analiz praiazyka i protokul'tury* [Indo-European Language and Indo-Europeans. Reconstruction and Historical-Typological Analysis of the Proto-Language and Proto-Culture] (Vols. 1–2). Tbilisi: Tbilisi University Press.
- Georgiev, Vl., Gülübov, Iv., Zaimov, I., & Ilchev, St. (Eds.). (1971–). *Bŭlgarski etimologičen rechnik* [Bulgarian Etymological Dictionary] (Vols. 1–). Sofia: Prof. Marin Drinov.
- Loma, A. (1988). Mislođin i Medođin: legenda i istorijska toponomastika. *Onomatološki prilozii*, 9, 165–174.
- Loma, A. (2010). O slovenskom raju. *Godišnjak Katedre za srpsku književnost sa južnoslovenskim književnostima*, 5, 143–153.
- Мачек, В. (1954). *Česká a slovenská jména rostlin*. Prague: Nakladatelství ČSAV.

- Pavlović, Z. (1994). *Hidronimski sistem sliva Južne Morave*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU.
- Plotnikova, A. A. (2023). Etnolingvistička ekspeditsiia k serbam i vlakham vostochnoi Serbii [Ethnolinguistic Expedition to the Serbs and Vlachs of Eastern Serbia]. *Zhivaia starina*, 4(120), 17–20.
- Plotnikova, A. A. (2024). Polevaia etnolingvistička rabota v Timokskom krae i Poreche (Serbiia) [Field Ethnolinguistic Work in the Timok Region and Porech (Serbia)]. *Zhivaia starina*, 3(123), 2–5.
- Radulović, N. (2019). Prvo lice i drugi svet. *Godišnjak Katedre za srpsku književnost*, 15, 49–95.
- Skok, P. (1971–1974). *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* (Vols. 1–4). Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti.
- Snoj, M. (2003). *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Modrijan.
- Tolstaya, S. M. (2004). Obmiranie [Dying Away]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 3, pp. 462–464). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Tolstaya, S. M. (2015). *Obraz mira v tekste i rituale* [The Image of the World in Text and Ritual]. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo.
- Tolstoy, N. I., & Tolstaya, S. M. (1979). O zhanre “obmiraniiia” (poseshcheniia togo sveta) [On the Genre of “Dying Away” (Visits to the Other World)]. In Yu. Lotman (Ed.), *Vtorichnye modeliruiushchie sistemy* [Secondary Modeling Systems] (pp. 63–65). Tartu: Tartu State University.
- Tolstoy, N. I., & Tolstaya, S. M. (1998). Imia v kontekste narodnoi kul'tury [Name in the Context of Folk Culture]. In *Problemy slavianskogo iazykoznaniiia. Tri doklada k XII Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov* [Problems of Slavic Linguistics. Three Reports to the 12th International Congress of Slavists] (pp. 88–125). Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS.
- Trubachev, O. N. (2002). *Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavian: lingvističeskie issledovaniia* [Ethnogenesis and Culture of the Ancient Slavs: Linguistic Studies]. Moscow: Nauka.